

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XIV — XVI ВЕКАХ

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ПРОФ. П. П. СМЕРНОВА)

С. Юшков

I

Одним из существенных достижений советской исторической науки является то, что она нашла в основном правильный путь для решения вопроса об образовании русского централизованного государства XIV—XVI веков. Если ранее вопрос этот связывался так или иначе с вопросом о возвышении Москвы и считалось, что если бы этого возвышения не было, то не образовалось бы и русское централизованное государство, то теперь советские историки Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, К. В. Базилович, В. В. Мавродин и др. отделили вопрос о причинах образования русского государства от вопроса о причинах, предопределивших особую роль, которую играли Московское княжество и столица его Москва в процессе образования этого государства.

Советские историки отмечают особое методологическое значение статьи Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии», в которой указывается, что в основе процесса подчинения феодалов единой королевской власти в Западной Европе лежало экономическое развитие страны, нарушавшее замкнутость отдельных феодальных хозяйств. В результате экономического развития повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, — пишет Энгельс, — которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»¹. Такими элементами было дворянство и торгово-ремесленное население городов.

Основываясь на высказываниях Сталина², советские историки отмечают, что процесс объединения русских земель в русское государство был ускорен борьбой с внешней опасностью и в особенности борьбой с татарами.

Само собой разумеется, решение вопроса о причинах, обуславливавших образование централизованного государства, не снимает вопроса о причинах, обусловивших ту роль, которую сыграли Московское княжество и его столица Москва в деле образования русского государства. Поскольку центром объединения сделался не Нижний Новгород, не Рязань, не Владимир и не Тверь, а Москва, возникшая сравнительно поздно и не игравшая за 40—50 лет до своего превращения в столицу русского государства особой роли, то этот факт всегда будет предметом обсуждения в исторической науке и так называемый вопрос о возвышении Москвы будет всегда вызывать к себе интерес.

При решении этого вопроса необходимо уяснить ряд преимуществ, которые имело Московское княжество, а также те преимущества, которые имела Москва в тот момент, когда она сделалась столицей русского государства. Эти преимущества Московского княжества объясняются его географическим положением, ролью, которую оно играло в экономическом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 97. М. 1939.

развитии Северовосточной Руси, внешнеполитическим положением, внутренней его устойчивостью, которые предопределялись политикой его князей. Наиболее глубокий анализ причин, обусловивших возвышение Москвы, был дан в современной советской литературе проф. М. Н. Тихомировым¹. Главнейшим достоинством его работы является то, что причины возвышения Москвы даны не статически, как это наблюдалось в предшествующей литературе, а в связи с ростом Московского княжества, превращавшегося в русское централизованное государство.

Однако было бы преувеличением считать, что вся сложная проблема образования русского государства полностью разрешена. Есть ещё ряд неразрешённых частных, хотя и довольно важных вопросов. Поэтому появление в «Вопросах истории» статьи проф. П. П. Смирнова об образовании русского централизованного государства в XIV—XVI вв. и её обсуждение надо приветствовать.

II

Прежде чем подвергнуть рассмотрению положения проф. П. П. Смирнова, считаем необходимым кратко напомнить о них. Остановимся на его критике взглядов современных советских исследователей — В. В. Мавродина, К. В. Базилевича, М. Н. Тихомирова и других. П. П. Смирнов обвиняет их в нарушении основных принципов марксистско-ленинской методологии, в частности, в том, что они при указании причин образования русского государства «называют в качестве основного, ведущего фактора выгодное географическое положение», что якобы они придают особо важное значение притоку переселенцев и увеличению плотности населения, а это, по его мнению, совершенно неправильно. Далее П. П. Смирнов указывает, что «развитие внешней и внутренней торговли, на которое делается основной упор в большинстве трудов как XIX столетия, так и современных, также не может рассматриваться в качестве фактора созидательного,двигающего вперёд общественное развитие».

После обзора современной литературы проф. П. П. Смирнов приходит к выводу, что до сего времени не дана такая концепция проблемы образования русского централизованного государства, которая отвечала бы и полноте собранных фактов и современным методологическим представлениям о природе исторического процесса. В силу этого проф. П. П. Смирнов делает попытку обосновать свои взгляды на происхождение русского государства XIV—XVI веков.

По мнению проф. П. П. Смирнова, при Иване Калите в Московском княжестве произошёл своего рода переворот в области сельского хозяйства. Стали применяться лемеш или соха-косуля. «Появление лемеша или косули в хозяйственном инвентаре Северовосточной Руси XIV столетия означало переход сельскохозяйственной техники на новый, высший этап развития и привело к резкому повышению производительности в области ведущей отрасли феодального хозяйства». Словом, в Московском княжестве уже в первой половине XIV в. совершается переход от подсечной, переложной системы хлебопашества к системе паровой зерновой, в результате чего производительность сельского хозяйства увеличилась в 10—15 раз.

В результате этого переворота Москва и её область становятся в XIV в. центром самого прогрессивного земледелия и богатейшим хлебопроизводящим районом, что, по сообщениям западноевропейских путешественников XV и XVI вв., доказывается дешевизной хлеба и других продуктов в Москве. Этот переворот повлёк за собой изменения в социальных отношениях и в политической системе страны. Так, в условиях развивающегося парового зернового хозяйства старинные княжеские, боярские и монастырские вотчины, самые размеры которых, равно

¹ Тихомиров М. «Начало возвышения Москвы». «Известия» АН СССР, серия истории и философии, т. I, стр. 97—108, 1944.

как и организация производства, были определены несложной подсечной системой, в новых условиях становились пережитком старины.

На развалинах вотчин светских и церковных владельцев стремительно развёртывался слой средних и мелких землевладельцев — помещиков великого князя.

В условиях небывалой дешевизны хлеба из крестьянства стали выделяться группы ремесленников, отходивших от сельского хозяйства и специализировавшихся в своём ремесле. В XV в. уже складывается класс посадских людей.

Политическая раздробленность и крупное феодальное землевладение мешали хозяйственному прогрессу и развитию молодых классов, т. е. дворянства и посадских людей, которые вели борьбу с носителями этой политической раздробленности.

Битву на Куликовом поле пришлось выдержать почти исключительно центральным княжествам, т. е. тем княжествам, в которых господствовала паровая система сельского хозяйства. «Нейтральную или враждебную позицию занимали те, кто стоял в стороне от начавшегося в центре изменения техники хозяйства», в частности Великий Новгород, Суздальско-Нижегородское княжество, Лесной Галич и Вятка.

Затем проф. П. П. Смирнов делает следующее обобщение своих изысканий причин образования русского государства: «Русское государство родилось не в скопидомном сундуке Калиты, но и не на берегах Дона и степной речки Непряды. Его основания были заложены упорным трудом русских крестьян и ролейных холопов, удесатеривших производительность своих полей, а вместе с тем и всего современного общества, применением плуга и трёхполья».

III

Такова новая историческая концепция образования русского централизованного государства, концепция проф. П. П. Смирнова, изложенная в его статье.

Что является важным и интересным в этой работе? Совершенно правильно проф. П. П. Смирнов относит начало процесса возникновения русского централизованного государства к началу XIV века. Нами в дальнейшем будет показано, насколько неудачно весь этот процесс дробить на два периода: период феодальной концентрации и период образования русского централизованного государства, как это сделано в первом томе «Истории СССР» (учебник для исторических факультетов вузов). Другим достоинством этой работы является то, что в ней при анализе причин развития производительных сил в русских землях XIII—XVI вв. подчеркнута необходимость учитывать развитие сельскохозяйственной техники, в частности распространение паровой трёхпольной системы.

Однако с большинством основных положений проф. П. П. Смирнова согласиться нельзя. Прежде всего он совершенно неправ в критической части своей статьи, когда он неправильно объединяет как современных исследователей, бывших на позициях «школы» Покровского, так и исследователей, не разделявших взгляды этой «школы». Основной заслугой советских исследователей, как было указано, является то, что они отделили вопрос о причинах возникновения русского централизованного государства от причин возвышения Москвы. При установлении причин образования русского государства они учитывали методологическое значение работы Энгельса об образовании централизованных государств в Западной Европе и подчёркивали значение высказывания товарища Сталина об ускорении процесса этого образования в России.

Так, в I томе «Истории СССР» указывается на следующие основные причины образования русского государства: экономическое развитие

русских земель, выразившееся в появлении общественного разделения труда и товарного обращения, в силу чего усиливались экономические связи между отдельными городами и землями; классовая заинтересованность феодальных земельных собственников в создании сильной верховной власти, способной подавить сопротивление крестьян; политические условия, требовавшие образования централизованного государства для борьбы с внешней опасностью.

Таким образом, современные исследователи, в частности К. В. Базилиевич, совершенно неповинны в тех ошибках или упущениях, которые им приписывает П. П. Смирнов. Они не выдвигают ни географического, ни национального фактора как решающего, а говорят вообще о развитии производительных сил. Теперь, после работы П. П. Смирнова, они, вероятно, дополнительно упомянут или ещё раз подчеркнут развитие сельскохозяйственной техники. Основная их ошибка заключалась в том, что процесс возникновения русского централизованного государства они относили только ко времени княжения Ивана III и Василия III.

Мы не можем согласиться с П. П. Смирновым и в том, что он признаёт методологически неправильным отделение вопроса о причинах возникновения русского централизованного государства от причин возвышения Москвы. Как было указано, это два разных вопроса.

Естественно, что современные советские историки, разрешив вопрос о причинах образования централизованного государства, вынуждены возвращаться к причинам того, почему именно Москва, а не Тверь или Владимир сделалась центром объединения. Это вовсе не отход от монизма, в чём обвиняет своих коллег П. П. Смирнов, а вполне естественное и правомерное стремление не смешивать в одну кучу разные вопросы. Но когда выясняются преимущества одного центра пред другими (в данном случае преимущества Москвы перед Тверью, Рязанью, Нижним Новгородом), то исследователь не может игнорировать экономические и географические факторы. Всякие в этой связи рассуждения, в которых географический фактор будет отсутствовать, окажутся совершенно абстрактными.

Учитывая географический фактор (исследователи только учитывают его, а не делают главным), волей-неволей приходится отмечать направление торговых путей и их значение, т. е. говорить о торговом значении того центра, который играет роль в процессе объединения земель в централизованное государство. Поэтому мы считаем данную в советской исторической литературе постановку вопроса о причинах возвышения Москвы — установление её преимуществ по сравнению с другими центрами в деле объединения русских феодально раздробленных земель — не грешащей против принципов марксистско-ленинской методологии.

Совершенно нельзя согласиться с П. П. Смирновым, когда он решительно отвергает как антимарксистский подход учёт национальных, географических и торговых факторов при решении вопроса о причинах возвышения Московского княжества с его столицей Москвой: Советские исследователи должны заниматься вопросом об образовании русского (великорусского, украинского и белорусского) народа, поскольку от его решения зависит решение основных вопросов истории русского государства.

Желая снять этот вопрос, П. П. Смирнов указывает, что якобы «нация, как устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, является сложной надстройкой эпохи и сама по себе не может влиять на размеры городов и их политическое значение. А как и как можно одинаково и в малых и в больших городах» (разрядка наша. — С. Ю.).

Эту фразу можно написать только в пылу полемического увлечения. Когда советские исследователи говорят об образовании русского или великорусского государства в XIV—XVI вв., то они имеют в виду не

нацию, т. е. категорию, возникающую при развитии капитализма, а национальность, которая возникает до развития капиталистических отношений, т. е. именно в эпоху образования централизованных государств. И уже решительным упрощением является попытка П. П. Смирнова свести понятие национальности к «аканью» или к «оканью». При таком небывало упрощённом подходе к вопросу о русской национальности проблема образования централизованного государства русской (великорусской) национальности выхолащивается.

Далее, совершенно неправильно утверждение П. П. Смирнова о том, якобы указание на географические факторы противоречит марксистско-ленинской методологии. В «Кратком курсе истории ВКП(б)», на который ссылается П. П. Смирнов, говорится только о том, что географическая среда, хотя, «бессспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но её влияние не является определяющим влиянием»¹.

Наконец, исследователи говорят о большем или меньшем развитии внутренней и внешней торговли русских городов, желая указать на преимущества этих городов в отношении торговли, а П. П. Смирнов доказывает недопустимость этого, ссылаясь на указание Маркса о значении великих революций, происшедших в торговле в XVI—XVII вв., для перехода от феодального способа производства к капиталистическому.

Поскольку нельзя указать ни одного современного советского исследователя, который считал бы географическую среду, или плотность населения, или развитие торговли главным и определяющим моментом в развитии общества или образования русского централизованного государства, то полемика П. П. Смирнова с современными исследователями оказывается, в сущности, не имеющей почвы. Советские исследователи совершенно неповинны в тех методологических извращениях, в которых он их обвиняет.

Обратимся теперь к концепции П. П. Смирнова. Нетрудно установить, что его упреки в антимарксистском подходе современных советских исследователей при установлении причин образования русского государства имеют своей целью предложить для решения этого вопроса свой метод, который якобы полностью отвечает основным принципам марксизма-ленинизма, в частности требованиям монизма. П. П. Смирнов считает, что должна быть указана только одна первопричина, которая может объяснить сразу два вопроса, входящих в проблему образования русского национального государства: вопрос о причинах возникновения русского национального государства и вопрос о причинах, обусловивших ту роль, которую стало играть в процессе образования этого государства Московское княжество.

Прежде чем рассмотреть ход дальнейших мыслей П. П. Смирнова, стадим себе отчёт, может ли быть вообще предложена такая первопричина, которая сразу разрешила бы оба эти вопроса. По нашему мнению, такой первопричины предложить нельзя, так как второй вопрос — вопрос о причинах, обусловивших преимущества Московского княжества и столицы его Москвы перед другими княжествами и их столицами, — не может быть объяснён до конца этой первопричиной. В комплекс этого вопроса неминуемо должны входить факторы географический, национальный и факторы, так или иначе связанные с обменом, т. е. торговлей. Если заранее отказаться от этих факторов, то придётся давать какую-то голую абстракцию — предмет вне времени и пространства, — или отказ от учёта этих факторов будет только кажущимся. А главное, эта единственная первопричина, выдвинутая для объяснения такого сложного явления, как образование русского национального го-

¹ «История ВКП(б) Краткий курс», стр. 113.

сударства, и притом без всякого опосредствования, неминуемо делается своего рода «отмычкой» для решения всех весьма разнообразных моментов, связанных с этим образованием, и ничего не может принести автору, кроме упреков в переходе на позиции экономического материализма и в крайнем схематизме. Обсуждение новой концепции, предложенной П. П. Смирновым, как раз и приводит нас к этому заключению.

П. П. Смирнов, решительно отрицая наличие географических, этнографических, национальных факторов и развитие обмена при объяснении причин, обусловивших образование русского национального государства, выдвигает в качестве первопричины этого переход Московского княжества с переложной системы земледелия на трёхпольную с применением плуга-косули и с уваживанием полей. Несомненно, переход сельскохозяйственной страны к высшей сельскохозяйственной технике должен являться весьма крупным моментом, определяющим развитие производительных сил, и должен иметь весьма важные последствия в общественном и политическом устройстве общества. Если бы было доказано, что только в Московском княжестве и нигде больше произошёл этот переворот в сельском хозяйстве, то это было бы одним из крупнейших достижений в советской исторической науке и действительно сделало бы концепцию П. П. Смирнова безупречной. В самом деле, подумать только, какое должен был иметь значение тот факт, что на весьма небольшом пространстве Северовосточной Руси, которое в то время занимало Московское княжество, благодаря новой технике производство хлеба выросло в десять раз! А рядом, в Тверском, Рязанском, Смоленском княжествах, продолжала существовать экстенсивная переложная система. Но доказан ли этот факт П. П. Смирновым? Внимательное изучение той аргументации, которая даётся в его работе, приводит нас к убеждению, что этот факт им не доказан.

Для того чтобы доказать, что только в одном Московском княжестве произошёл этот агротехнический переворот, необходимо прежде всего тщательное изучение техники сельского хозяйства на всём пространстве Северовосточной и Северозападной Руси, т. е. на всём том огромном пространстве, которое стало занимать русское государство в XIV—XVI веках. Пользуясь всеми данными, в том числе археологическими, надо действительно показать, что ни в Смоленской, ни в Тверской, ни в Рязанской земле, ни в Нижегородском княжестве, ни в Великом Новгороде не произошло никаких изменений в области сельскохозяйственной техники, а в Московском княжестве это изменение произошло.

Дальнейшие рассуждения автора не являются убедительным доказательством его концепции. Он указывает, что Русская земля должна выплатить тяжёлую дань татарам в серебряных слитках. Иван Данилович Калита успешно это делает и даже прикупает волости. Откуда взял Калита эти слитки? Указание восточного писателя Ибн-Батуты на наличие серебряных рудников ничем не подтверждается. Указание на обогащение Ивана Калиты торговыми пошлинами решительно отвергается (ведь это связано с развитием торговли). Значит, Иван Данилович Калита мог получить серебро только в результате продажи хлеба.

Какие доказательства этого весьма интересного факта приводятся П. П. Смирновым? Ссылки на соответствующие источники: летописи, сказания, актовый материал, археологический материал. Известно, что эти источники не содержат данных для доказательства того, что Московское княжество в XIV в. неожиданно сделалось сельскохозяйственным Эльдorado. И тогда П. П. Смирнов прибегает к следующей аргументации. Оказывается, имеются два юридических памятника в русской письменности: переработка устава князя Владимира и других великокняжеских уставов, известная под названием «Сий ряд и суд уставили первии князи»; «Книги законные», одной из глав которых является «Земледельческий устав». П. П. Смирнов приписывает Ивану Калите составление первого памятника и переработку второго.

Для чего это нужно П. П. Смирнову? А нужно это для того, чтобы доказать факт перехода на новую сельскохозяйственную технику при Иване Калите и факт всяческого содействия этой технике и создания благоприятных условий для её применения и развития.

Оказывается, в «Земледельческом уставе» упоминается о лемеше. Это упоминание П. П. Смирнов считает совершенно достаточным доказательством для подтверждения его мысли об агротехническом перевооружении в Московском княжестве и только в нём. Лемеш — это соха-косуля, которая гораздо выше по своему техническому эффекту сохи-чернуши.

А составление памятника «Сий ряд и суд» и переработка «Земледельческого устава» доказывают, что Иван Калита стремился создать строгий правопорядок, на основе которого могла процветать и развиваться новая, и притом нигде до сих пор не существовавшая, сельскохозяйственная техника.

Но в одной из своих работ¹ я привёл исчерпывающие данные, на основании которых опровергается мнение Павлова о том, что Иван Калита — автор переработки устава князя Владимира и других княжеских уставов «Сий ряд и суд»; а в специальных работах о «Книгах законных», в частности того же Павлова, нет данных для того, чтобы приписать перевод Земледельческого устава, памятника византийского права VI—VII вв., Ивану Калите. Павлов просто указывает на появление «Книг законных» в первой половине XIV века.

Таким образом, нужна исключительная смелость мысли, чтобы на основе перевода византийского сборника права, где даётся указание на земледельческие орудия, употреблявшиеся в Византии VI—VII вв., — причём одно из этих орудий переводится русским словом «лемеш», — сделать грандиозные по своему масштабу и значению выводы.

Благодаря употреблению этого слова при переводе «Книг законных», участие в котором Ивана Калиты никем не доказано, Иван Калита, ранее называвшийся скопидомом и организатором торговли (в целях обогащения торговыми пошлинами), превращён П. П. Смирновым в новатора-агронома, прекрасного организатора сельского хозяйства на основе новой техники.

В казну новатора-агронома потекли слитки серебра, и он без всякого обчёта других князей успешно платил дань татарскому хану и находил средства для прикупов земель у других князей. Этим, оказывается, объясняются возвышение Московского княжества и та роль, которую оно играло в процессе образования русского (великорусского) государства в XIV—XVI веках. Читатель остаётся, однако, в полном недоумении: почему только в Московском княжестве, а не в соседнем, соперничающем с ним Тверском княжестве или в Смоленском, которое ближе к Западной Европе и не пострадало от татарского погрома, произошёл этот агрономический переворот? А если действительно произошло подобное чудо, каким путём хлеб превращался в серебряные слитки Ивана Калиты? Ведь для того, чтобы хлеб превратился в слитки, его надо продать. Значит, надо предполагать оживлённейшую торговлю хлебом, которую вело Московское княжество с соседними, «переложными» княжествами: «лесным Галичем», отсталыми суздальско-нижегородскими и рязанскими землями. Но тогда возникает вопрос: откуда могли достать серебряные слитки эти отсталые, нищие страны?

П. П. Смирнов, по вполне понятным соображениям, не даёт ответа на эти недоуменные вопросы. Ответ на первый вопрос так или иначе связан с указанием на географические факторы, а ответ на второй вопрос — с указанием на значение торговли. Но это всё должно противо-

¹ Юшков С. «Исследования по истории русского права». Вып. 1-й, стр. 54—56. Новоузенск. 1925.

речить «монизму», обещанному П. П. Смирновым при решении вопроса об образовании русского государства.

Если же не даны ответы на эти вопросы, возникает, естественно, предположение о какой-то поистине провиденциальной роли князя Ивана Калиты. Только ему русское государство обязано введением новой сельскохозяйственной техники и созданием твёрдого правопорядка, обеспечивающего применение и развитие этой техники, только ему Русь обязана чудесным превращением добываемого хлеба в серебряные слитки, акуратным внесением этих слитков в Орду и увеличением Московского княжества прикупками. Словом, приходится присваивать Ивану Калите такую роль в русской истории, которая ему никогда ещё не присваивалась в нашей литературе.

Проф. П. П. Смирнов, вероятно, сам сознавал слабость своей аргументации, основанной на применении слова «лемеш» в Земледельческом уставе, и решил эту аргументацию подтвердить ссылкой на то, что В. И. Сергеевич при анализе новгородских писцовых книг не мог указать на существование трёхполья в Новгородской земле во второй половине XV в., тогда как в Московском княжестве оно в это время уже существовало, и на дешёвизну съестных припасов в Московском княжестве в конце XV — начале XVI в., по свидетельству путешественников. Но какое значение имеет эта аргументация?

То, что в Великом Новгороде техника сельского хозяйства была отсталой и Новгородская земля нуждалась в привозном хлебе, всем известно, но ведь дело шло не о конкуренции между Москвой и Великим Новгородом в деле создания русского государства, а между Москвой, Владимиром, Тверью, Рязанью. А, главное, доказательства от второй половины XV в. едва ли могут иметь значение для обоснования агротехнического переворота в Московском княжестве первой половины XIV века. Ссылка же на дешёвизну продуктов в Москве в конце XV — начале XVI в. даже подрывает аргументацию П. П. Смирнова об источниках получения серебряных слитков Иваном Калитой. Если продукты в Москве были так дешёвы, то откуда могли получиться эти серебряные слитки? Кроме того это доказательство относится ко времени, когда процесс формирования русского централизованного государства уже завершился (конец XV — начало XVI века).

Словом, П. П. Смирнову не удалось доказать своё основное положение о том, что единственно в Московском княжестве в результате главным образом организационной деятельности Ивана Калиты произошёл переворот в области сельскохозяйственной техники.

Дальнейшие положения П. П. Смирнова также трудно признать убедительными. Он утверждает, что в условиях развивающегося парового зернового хозяйства старинные княжеческие, боярские и монастырские вотчины, размеры и организация производства которых были определены переложной подсечной системой, становились в новых условиях пережитком старины и осуждались на слом без надежды на восстановление. На слом осуждались и владельцы этих вотчин — удельные князья, бояре и даже церковь.

Это положение вызывает двоякое недоумение. Во-первых, для утверждения того, что в княжеческих вотчинах, а также в боярских и монастырских вотчинах не существовало трёхпольной системы, надо привести данные, основанные на источниках. Такое утверждение — не аксиома. Наоборот, последующая судьба княжеческих и боярских вотчин показывает их живучесть. Понадобилась опричнина Грозного, которая ликвидировала эти гнёзда старой феодальной знати и которая, как известно, имела место в конце процесса образования русского национального государства. До сего времени разорение княжеческих и боярских вотчин, признаки которого стали проявляться в начале XVI в., объясняли не тем, что там господствовала подсечная система, а тем, что в условиях развивающегося денежного товарного хозяйства княжата и бояре не в состоя-

нии были организовать соответствующим образом своё хозяйство. Живя в Москве, неся придворную службу, старая, феодальная знать была вынуждена передавать управление своего хозяйства приказчикам. Кроме того она должна была бороться за рабочие руки с поместным дворянством, создавая более льготные условия работавшим на её землях крестьянам.

Во-вторых, совершенно голословным, на наш взгляд, является утверждение о том, якобы церковные, в частности монастырские, вотчины не знали трёхполья и потому были обречены на слом. Кому же, в самом деле, не известна исключительная организованность монастырского хозяйства и исключительная живучесть монастырского землевладения? Понадобился целый ряд мер, противодействующих развитию монастырского землевладения в XVI—XVII вв., закончившихся организацией Коллегии экономии и секуляризацией монастырских земель в XVIII веке. Княжата и бояре должны были пойти на слом не потому, что они не ввели в своих вотчинах трёхполья, а потому, что они, эти «ленивые богатины», боролись за прежние свои права, за прежнюю свою власть над населением своих владений и были носителями феодальной раздробленности.

Экономическое и политическое значение, которое получило поместное дворянство в период образования русского национального государства, П. П. Смирнов объясняет также отношением этого дворянства к сельскохозяйственной технике. В противоположность княжатам-боярам и монастырям дворяне-помещики были представителями передовой техники, т. е. трёхпольной.

Наконец, рост посадского населения П. П. Смирнов связывает с небывалой дешевизной хлеба, вызванной применением паровой системы сельского хозяйства.

Словом, всякие изменения в положении классов и групп, их политические устремления и идеи — всё исходит от трёхполья. Наблюдается обычай отпускать холопов в духовных грамотах — этот обычай связывается с трёхпольем. Установление Юрьева дня, который, повидимому, рассматривается П. П. Смирновым как момент улучшения положения крестьянства, связано с прогрессивным характером трёхполья.

Даже участие и неучастие в борьбе против татар на Куликовом поле тех или других частей Северовосточной Руси ставится в зависимость от того, перешли они к трёхполью или нет. Новгородская земля, Суздальско-нижегородское княжество и Рязань не перешли к трёхполью, и потому они заняли или нейтральную или враждебную позицию по отношению к Дмитрию Донскому. Всё это, в сущности, мало чем отличается от попыток, которые были в своё время сделаны в исторической литературе, — объяснить восстание декабристов падением хлебных цен, а установление крепостного права введением того же трёхполья.

Итак, исходное положение П. П. Смирнова не может быть признано доказанным. Также не может быть признан доказанным ряд дальнейших выводов из этого положения, а некоторые утверждения требуют новой аргументации.

Смелая попытка П. П. Смирнова на основе предложенного им «манистического» методологического приёма объяснить и вопрос об образовании русского государства и вопрос об исключительном значении Москвы и Московского княжества в процессе этого образования потерпела неудачу.

Наши опасения о том, что этот манистический методологический приём должен привести П. П. Смирнова к механистическому объяснению сложных явлений общественной жизни, к сожалению, оправдались. Современная, советская историческая наука должна идти по тому правительному, в основном, пути, который она уже наметила, именно выясняя условия и обстановку, при которых совершалось образование русского государства в XIV—XVI вв., исходить из развития производитель-

ных сил, понимая под развитием не только переход к лемешу или к уваживанию полей, но, учитывая все элементы, составляющие производительные силы: «о рудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду»¹.

При решении проблемы образования русского государства XIV—XVI вв. необходимо, конечно, учитывать и влияние географической среды и плотность населения, если это определяется ходом исследования, но памятуя, как этому учит И. В. Сталин, что ни географическая среда, ни рост народонаселения не оказывают определяющего влияния на развитие общества. С другой стороны, при выяснении условий, определивших образование русского централизованного государства в результате развития производительных сил, нельзя ограничиваться областью сельского хозяйства, но должное внимание надо отдавать и развитию ремесла.

Одним из важных моментов в экономическом процессе является также развитие обмена. Пример того, как это надо делать, показывает нам Энгельс в названной статье, которая почему-то не сделалась предметом внимания П. П. Смирнова.

IV

Но, не соглашаясь со взглядами П. П. Смирнова об условиях и обстановке, определивших образование русского государства, тем не менее нельзя признать, что эта проблема полностью, исчерпывающим образом решена в современной советской исторической науке. Имеется ряд моментов, которые должны быть учтены при дальнейшей работе над этой проблемой, а с некоторыми положениями советских историков при решении данной проблемы нельзя согласиться.

Не имея возможности в статье, которая ставит своей основной задачей обсуждение работы П. П. Смирнова, затронуть все эти вопросы, требующие пересмотра или развития, укажу только на некоторые, наиболее важные из них.

Таким вопросом, требующим, на наш взгляд, пересмотра, является вопрос о хронологических рамках образования русского государства. Большинство советских историков, во всяком случае авторы и редакторы учебников по истории СССР, считают, что период образования русского государства должен охватывать два княжения — Ивана III и Василия III. Период, предшествующий княжению Ивана III, в котором процесс объединения русских земель полностью проявился, некоторые историки, например К. В. Базилевич, считают периодом не образования русского государства, а периодом так называемой феодальной концентрации.

Однако с таким пониманием процесса образования русского государства согласиться нельзя. Образование русского централизованного государства является одним из важнейших вопросов русской истории. Он должен быть изучен в полном своём развитии, т. е. в процессе возникновения, дальнейшего развития и завершения. Между тем отрезок времени, падающий на княжение Ивана III и Василия III, — это не начало и не конец образования русского государства, а один из этапов, хотя и важнейших. Начало этого образования, несомненно, надлежит связать с временем Ивана Калиты, а конец — с ликвидацией тех элементов, которые были носителями феодальной раздробленности, т. е. с опричной Грозного.

Сторонники взгляда, что период образования русского государства должен охватывать только два княжения — Ивана III и Василия III, — иногда ссылаются на то, что период русской истории от Ивана Калиты

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 114—115.

до Ивана III, поскольку процесс образования централизованного государства не завершён, является всё же периодом феодальной раздробленности, хотя и идущей к своему концу. Но позволительно спросить сторонников этого взгляда: что является более важным и интересным — подвергнуть ли изучению период феодальной раздробленности или период образования русского государства? Я думаю, что ответ может быть только один. Не в период феодальной раздробленности, а в период образования русского централизованного государства сложился русский народ, получила своё развитие русская государственность и культура. Следовательно, вопросу об образовании русского централизованного государства должно быть отдано решительное предпочтение перед вопросом о феодальной раздробленности, и он должен быть рассмотрен более детально и во всех стадиях.

Что же касается последней стадии образования централизованного государства, падающего на царствование Ивана Грозного, то никаких оснований исключать этот отрезок времени из данного периода выдвинуть нельзя. А в учебниках по истории СССР, в которых период, относящийся к царствованию Ивана Грозного, обычно относят к периоду преобразования русского государства во многонациональное, необходимо всё же подчёркивать, что при Иване Грозном происходит завершение образования русского централизованного государства в результате мероприятий, связанных с опричниной.

Далее, в пользу необходимости пересмотреть хронологические границы данной проблемы необходимо привести следующие соображения. Так называемый период феодальной концентрации, который выделяют некоторые исследователи, обуславливается в основном теми же причинами, что и образование русского централизованного государства: развитием производительных сил, выделением таких общественных групп, которые были заинтересованы в объединении русских земель, и т. д. Какой же смысл обозначать разными терминами, в сущности, один и тот же процесс, обусловленный одинаковыми причинами? Поэтому мы считаем ненужным введение в научный оборот этого своего рода схоластического понятия: то, что К. В. Базилевич и другие понимают под периодом феодальной концентрации, является не чем иным, как начальным периодом образования русского национального государства. Мы убеждены, что расширение хронологических границ периода образования русского государства даст возможность с большой глубиной решить все частные вопросы этой важнейшей проблемы в русской истории.

Другим вопросом, который должен быть предметом дальнейшего исследования, является вопрос о тех группах русского общества XIV—XVI вв., которые вели борьбу за образование русского централизованного государства. Мы указали на исключительное методологическое значение упомянутой статьи Энгельса. Основной заслугой современных исследователей этого вопроса является то, что они учли значение этой статьи.

Но не надо забывать, что высказывания Энгельса относятся к образованию централизованных государств в Западной Европе. Имеются довольно крупные различия в процессе развития производительных сил в странах Западной Европы и в России, в частности различия в развитии техники. Имеются крупные различия во внешнеполитическом положении. Особое положение в Западной Европе занимала и церковь (католическая).

Словом, советским исследователям надо не ограничиваться простым цитированием высказываний Энгельса, но, используя их методологическое значение, надо выявлять причины, условия и обстановку образования русского государства, которое предопределялось особенностями в экономическом и политическом развитии русских земель XIV—XVI веков.

Конечно, на Руси городские ремесленники и купцы, а также помещ-

ное дворянство были теми элементами, которые являлись решительными сторонниками создания централизованного государства. Но в начале XIV в. слой поместного дворянства на Руси был едва ли значительным. Достаточно вспомнить, что при Иване Калите даже не существовало термина «поместье». Говорилось о «служных землях». Зато в начале XIV в. существовал слой московского боярства, резко отличавшийся от боярства XV в., которое стало включать в свой состав служилых князей. Уже давно в исторической литературе был высказан взгляд, что в XIV в. московские бояре помогали своим великим князьям усиливать их власть и расширять их владения. Достаточно вспомнить деятельность московских бояр в малолетство Дмитрия Донского. Нам думается, что пока не сложился слой поместного дворянства в Московском княжестве, московские бояре XIV в. были теми элементами, которые являлись сторонниками образования русского государства. Да и не только московские бояре, но и бояре других земель, например нижегородские бояре, двинские бояре, помогали московским князьям.

Далее, в Западной Европе католическая церковь была силой, которая стремилась к консервации феодальной раздробленности, к сохранению прав церковных князей. Достаточно вспомнить спор об инвеституре между французскими королями и католической церковью. Иное дело у нас на Руси. Русская церковь в период феодальной раздробленности имела ряд существенных отличий по своей организационной структуре. Прежде всего организационный её центр находился на территории русского государства, а не в другой какой-либо стране. Русская православная церковь была национальной церковью. Из-за феодальной раздробленности влияние основного, организационного центра русской православной церкви — митрополии — падало. Роль удельных князей, опиравшихся на своё духовенство, увеличивалась. Для русской митрополии, для широких церковных кругов образование русского государства означало усиление авторитета церкви, её идеологического и политического влияния. Отсюда, в отличие от западноевропейских стран, в деле создания русского государства церковь имела весьма большое значение. Как только определилось особое значение Москвы и Московского княжества в этом деле, русские митрополиты сделали своим центром Москву и связали судьбу русской церкви с организующимся русским государством.

Перед исследователями вопроса об образовании русского государства стоит задача более глубоко и более детально установить, чем вызван этот союз церкви и московских князей в деле объединения русских земель, при этом нельзя ограничиваться ссылками на особо благоприятное отношение Калиты и его преемников к первым московским митрополитам.

Наконец, необходимо указать, что в процессе образования русского централизованного государства особую роль играли широкие народные массы. Именно они должны были особенно оценить ту «тишину велию», которая наступила после первых шагов начавшегося объединения русских земель. Роль народных масс сказывалась не только в непосредственной героической борьбе с татарами, которая требовала, как указывает И. В. Сталин, незамедлительного образования русского централизованного государства, но и в решительных мерах, которые предпринимали эти массы с целью парализовать действия разного рода элементов, выступавших против объединявшего русскую землю центра — Москвы, — и ускоряли таким образом процесс образования русского государства. Особенно яркие примеры поддержки Московского княжества широкими массами можно привести из истории взаимоотношений Великого Новгорода с Москвой. Достаточно указать на поддержку, которую оказали городские низы Торжка представителям князя Симеона Гордого, когда они были пленены верхушкой города. Городские низы, подняв восстание, освободили их. Несомненно, так называемое восстание двинских бояр против Великого Новгорода при князе Василии Дмитриевиче и присоеди-

нение Двинской земли к Московскому княжеству было делом не только одних бояр, но и широких народных масс этой земли. Иначе была бы совершенно непонятна стойкость восставших и сила их сопротивления, проявленные против Великого Новгорода.

Наконец, необходимо указать ещё на один кардинальный вопрос в общей проблеме образования русского государства — вопрос об образовании русского (великорусского) народа, который до сих пор не получил своего разрешения. Казалось бы, что совершенно необходимо образование русского государства связывать с образованием русского (великорусского) народа не только в монографической литературе, но и в общих обзорах и учебниках.

Однако обычно дело ограничивается тем, что в учебниках указывается на возникновение не великорусского народа, а украинского и белорусского. Читателю, очевидно, предлагается сделать вывод, что если уже образовались украинский и белорусский народы, то должен возникнуть и великорусский. Но как, при каких условиях и когда произошёл этот весьма важный факт и произошёл ли он, обычно об этом не говорится.

Процесс образования русского государства обусловлен образованием русского народа. В значительной степени оба эти процесса порождены общими причинами, в частности развитием производительных сил, установлением экономической общности, что предполагает наличие экономических связей, и т. д. Мы считаем, что вопрос об образовании русского государства не может быть признан до конца решённым, пока исследователи не решат вопрос о происхождении великорусского народа.

Могут сказать, что великорусский народ окончательно сложился гораздо позднее, нежели началось образование русского государства. Это, конечно, так. Но процесс образования великорусского народа начался одновременно с процессом образования русского государства. Даже этот, пусть начальный период образования народа, несомненно, имел большое значение в деле образования русского государства.

Словом, вопрос об образовании великорусского народа является одним из важнейших в общей проблеме возникновения русского государства и должен быть предметом особого внимания со стороны исследователей данной проблемы.

Подведём итоги нашему обсуждению статьи проф. П. П. Смирнова. В этой статье имеется ряд ценных и интересных мыслей, в частности о необходимости удлинения хронологических границ периода образования русского государства и о необходимости придавать большое значение развитию сельскохозяйственной техники. Тем не менее благодаря неправильному методологическому приёму автора основные положения этой работы, в сущности, удовлетворяют современных исследователей от того совершенно правильного пути, по которому они пошли при установлении причин, условий и обстановки, предопределивших образование русского государства.

Однако обсуждение этой статьи приводит нас к убеждению, что она могла появиться в значительной степени вследствие того, что, хотя современными исследователями и намечен правильный путь для решения проблемы образования русского государства, но при её решении до сих пор не были выяснены или недостаточно выяснены многие существенные вопросы этой проблемы. Каковы эти вопросы, мы и постарались только что показать. Нам кажется, что проблема образования русского государства, теснейшим образом связанная с проблемой образования русского (великорусского) народа, является настолько важной проблемой в русской истории, что она должна привлечь к себе особое внимание современных советских исследователей и быть предметом тщательного и глубокого исследования на основе указаний Энгельса и Сталина.